

УЗНИКИ ЭМОЦИЙ

Книга 7

«СМС»

Кирилл Попов

12+

УЗНИКИ ЭМОЦИЙ

Кирилл Попов

**УЗНИКИ ЭМОЦИЙ.
Книга 7: «СМС»**

«Автор»

2026

Попов К.

УЗНИКИ ЭМОЦИЙ. Книга 7: «СМС» / К. Попов — «Автор»,
2026 — (УЗНИКИ ЭМОЦИЙ)

«СМС» седьмая книга вселенной «УЗНИКИ ЭМОЦИЙ», продолжение шестой книги «Путь Марка» и вторая часть основной трилогии. В мире, где голограммы заменили настоящие огни, а VRочки живые взгляды, человечество постепенно утратило способность чувствовать понастоящему. Эмоции стали товаром, а искренность риском: люди предпочитают виртуальные объятия, синтезированные слёзы и запрограммированную радость. Анна одна из немногих, кто ещё помнит, каково это — ощущать мир без фильтров. Её путь начинается с мгновения пробуждения: когда она снимает очки и видит реальность во всей её серой, но подлинной красоте. Встреча с бабушкой и плачущим мальчиком становится искрой, из которой разгорается пламя сопротивления. «СМС» это история о том, как всё началось: с одного короткого сообщения, отправленного вместо объятия. История о том, как удобство заменило уязвимость, а экраны встали между людьми. И история о надежде — о том, что пока кто-то помнит, каково это — чувствовать, у человечества есть шанс.

© Попов К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 . Пролог	5
Глава 2. Виртуальный рай	7
Глава 3. Рождение резервации	9
Глава 4. Технология контроля	11
Глава 5. Тень сомнения	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Кирилл Попов

УЗНИКИ ЭМОЦИЙ. Книга 7: «СМС»

Глава 1 . Пролог

Город мерцал — но не огнями, а голограммами. Они висели над улицами, переливались на фасадах зданий, шептали обещания счастья с рекламных щитов, которые больше походили на порталы в иные миры. Внизу, под этой цифровой феерией, шли люди. Их лица были скрыты за VR-очками: кто-то уже погрузился в виртуальный рай, кто-то только готовился к побегу от реальности.

Анна остановилась на перекрёстке, сняла очки и на мгновение замерла, впитывая настоящий мир. Серый асфальт. Потёртые фасады домов. Воздух, отдающий металлом и выхлопными газами. И тишина — не та, что бывает в лесу или у моря, а мёртвая, искусственная, будто кто-то вырезал из неё все живые звуки.

Она огляделась. Рядом, за столиком виртуального кафе, сидела семья: муж, жена, двое детей. Все в очках, все улыбаются — но не друг другу, а своим персональным иллюзиям. Женщина смеётся над шуткой виртуального комика, ребёнок восторженно хлопает в ладоши, наблюдая за летающими драконами, отец кивает, слушая совет цифрового коуча по личностному росту. Они рядом — и в то же время бесконечно далеки друг от друга.

Ей вдруг стало невыносимо это видеть.

И тут она заметила их.

У стены старого здания, почти незаметные на фоне голографического водопада, сидели бабушка и маленький мальчик. Он плакал — по-настоящему, громко, с всхлипами. А она гладила его по голове, шептала что-то успокаивающее, вытирала слёзы своей шершавой ладонью. Никаких эффектов. Никаких фильтров. Только тепло рук, дрожь голоса и искренность, от которой у Анны защемило сердце.

Мальчик поднял глаза на бабушку:

— Бабушка, а почему они не плачут вместе?

— Потому что когда-то очень давно, — тихо начала бабушка, — кто-то впервые отправил вместо объятия короткое сообщение. Всего несколько слов на экране. Он думал: так будет проще передать свои чувства. Не нужно дрожать голосом, не нужно бояться, что тебя не поймут. Можно написать «я люблю тебя» — и готово. Без риска, без уязвимости.

— И что случилось?

— Все решили, что это удобно. Так родилось первое цифровое объятие. Потом появились смайлы вместо улыбок, эмодзи вместо слёз. Эмоции стали упаковывать в пиксели, а потом и вовсе научились их синтезировать.

— Но ведь это не то же самое!

— Конечно, нет, — бабушка прижала его к себе. — Настоящее чувство нельзя отправить нажатием кнопки. Оно рождается в тишине между словами, в дрожи рук, в паузе перед признанием. Оно живёт в том, как ты смотришь на человека, как касаешься его плеча, как молчишь рядом с ним.

— А теперь?

— Теперь люди забыли, каково это — чувствовать без экрана между собой. Они покупают эмоции, как товары, и называют это счастьем. Но знаешь что? — она заглянула ему в глаза. — Пока кто-то ещё умеет плакать по-настоящему, пока кто-то ещё может согреть другого своим теплом — у нас есть шанс вспомнить, что значит быть живым.

Анна стояла и смотрела, не в силах отвести взгляд. В голове крутилось: «Когда мы перестали так делать? Когда прикосновения стали менее важны, чем тактильная обратная связь VR-перчаток? Когда слёзы стали чем-то постыдным — настолько, что их научились подавлять таблетками и гормональными корректорами?»

Над городом вспыхнула новая голограмма — гигантская, ослепительная: «Счастье доступно. Подключитесь».

Анна снова надела очки. Но перед тем, как мир вокруг заполнился яркими красками и идеальными образами, она успела заметить, как бабушка подняла глаза и посмотрела прямо на неё. В этом взгляде было всё: и понимание, и предупреждение, и надежда.

Надежда на то, что кто-то ещё помнит, каково это — чувствовать по-настоящему. Что кто-то готов сказать «я здесь» не текстом на экране, а взглядом, прикосновением, биением сердца рядом.

А потом иллюзия поглотила её целиком.

В этом и была горькая ирония истории: то, что когда-то создали, чтобы преодолеть расстояние между людьми, в итоге стало стеной между ними. Короткое сообщение, рождённое из желания быть понятым, превратилось в барьер, за которым человечество начало забывать, каково это — быть по-настоящему рядом.

Но где-то в глубине души каждый всё ещё хранил память о первом объятии, первом взгляде, первом слове, сказанном шёпотом на ухо. И пока эта память жива, шанс вернуть настоящее остаётся.

Глава 2. Виртуальный рай

Воздух дрожал от неоновой магии.

Над проспектом Свободы, некогда широкой и шумной артерией мегаполиса, теперь висели гигантские голограммы — мерцающие, переливающиеся, живые. Они не просто показывали рекламу: они создавали реальность. Прямо над головой Анны раскинулся тропический пляж — песок струится сквозь пальцы, волны ласкают ступни, тёплый ветер шевелит волосы. Рядом, будто из ниоткуда, возник футуристический город с летающими машинами и стеклянными небоскрёбами. А чуть дальше — средневековый замок, окружённый туманом, с развевающимся на башне флагом.

Каждый мог выбрать свой рай.

Анна поправила VR-очки, но не активировала подключение. Она предпочитала видеть мир таким, какой он есть, — пусть и не столь красочным.

Под ногами хрустел мелкий гравий: асфальт давно раскрошился, обнажив основание. Фасады зданий, когда-то величественных, теперь напоминали декорации: облупившаяся краска, трещины, заколоченные окна. Город будто застыл во времени, а вся жизнь переместилась в виртуальность.

Люди шли мимо, не замечая ни грязи под ногами, ни ветхости домов. Их лица скрывали VR-очки — прозрачные, полупрозрачные, с мерцающими линзами. Кто-то улыбался, кто-то смеялся, кто-то задумчиво кивал, погружённый в свой цифровой мир. Они не смотрели друг на друга. Не касались. Не разговаривали.

Анна свернула в переулок. Здесь голограмм было меньше, и реальность проступала резче: мусор у стен, ржавые трубы, выцветшие плакаты с лозунгами десятилетней давности. Но даже здесь люди шли, уставившись в невидимые экраны, переступая через обломки прошлого, будто их не существовало.

Она остановилась у кафе с вывеской «Виртуальный рай». Заведение славилось полным погружением: можно было заказать не просто кофе, а целый мир к нему. Анна вошла, и воздух тут же наполнился ароматами — жасмин, корица, свежее испечённый хлеб. Голографический официант склонился в поклоне:

— Добро пожаловать! Что желаете: Париж XVIII века, подводный дворец или лунную станцию?

— Просто кофе, — ответила Анна. — Настоящий.

Официант на мгновение замер, будто не понимая запроса, затем кивнул:

— Одну минуту.

Она села у окна. Помещение было заполнено посетителями — парами, семьями, компаниями друзей. Все сидели за столиками, но никто не разговаривал. Каждый был в своём мире.

Анна сделала глоток кофе. Горький, чуть пережаренный — но настоящий. Она смотрела вокруг и чувствовала, как внутри растёт тяжесть. Когда эти люди вокруг в последний раз просто общались? Когда держали друг друга за руку не через тактильный интерфейс, а по-настоящему? Когда последний раз смеялись над одной шуткой, а не над разными, транслируемыми серверами «Омега»?

Она допила кофе и встала. Пора было идти.

Анна глубоко вздохнула. В груди что-то дрогнуло — будто прорвалась тонкая плёнка, отделявшая её от настоящих чувств. Она вдруг отчётливо вспомнила, как в детстве, упав с велосипеда, бежала к маме, и та всегда находила нужные слова. Как отец поднимал её на руки, смеясь: «Ну что, маленькая искательница приключений, опять куда-то вляпалась?»

Воспоминания нахлынули волной — тёплые, живые, настоящие.

Она достала планшет, открыла новый файл и напечатала:

«Что, если мы потеряли что-то важное? Что, если за иллюзией счастья скрывается настоящая пустота?»

Экран мерцал, ожидая продолжения.

Глава 3. Рождение резервации

Зал заседаний Совета Эмоциональной безопасности напоминал капсулу времени — строгий, холодный, лишённый любых намёков на уют. Стены из матового стекла отражали голографические проекции, а в центре возвышался круглый стол с сенсорными панелями. В воздухе витало напряжение — не виртуальное, не сгенерированное алгоритмами, а настоящее, осязаемое.

Генерал Орлов стоял у панорамного окна, спиной к собравшимся. Его силуэт чётко вырисовывался на фоне неоновых огней мегаполиса. Он медленно повернулся, окинул взглядом присутствующих и заговорил — спокойно, размеренно, будто читал лекцию:

— Мы стоим на краю пропасти. Уровень депрессии среди населения достиг критической отметки. Самоубийства, вспышки агрессии, массовые психозы — всё это следствие неограниченной виртуальной свободы. Люди больше не различают реальность и иллюзию. Они теряют связь с собой.

Он сделал паузу, давая словам осесть в сознании слушателей.

— Резервации — это не наказание. Это спасение. Мы создаём контролируемую среду, где люди смогут восстановиться. Где их эмоции будут стабилизированы, а поведение — предсказуемо. Мы спасаем общество от саморазрушения.

В зале повисла тишина. Затем раздался резкий голос одного из сенаторов:

— Это нарушение базовых прав человека! Вы предлагаете изолировать граждан без суда и следствия, основываясь на показаниях каких-то сканеров, которые, между прочим, ещё не прошли должной проверки!

— Сканеры фиксируют гормональные всплески, — холодно парировал Орлов. — Они выявляют тех, кто находится в состоянии эмоционального кризиса. Мы не можем ждать, пока человек совершит непоправимое. Профилактика — вот наш приоритет.

— Профилактика? — Ли вскочил на ноги. — Вы называете это профилактикой? Лишение свободы под предлогом заботы? Это тоталитаризм в чистом виде!

Орлов сжал кулаки, но голос остался ровным:

— Вы видели статистику? Видели, как растёт число людей, которые не могут выйти из виртуальной реальности сутками? Которые забывают есть, спать, общаться с близкими? Мы обязаны действовать.

Помощник включил экран. В зале погас свет.

Молодая женщина с ребёнком на руках бежала по тёмному переулку. Её волосы растрепались, лицо было в слезах. Она прижимала к себе малыша, шептала: «Тише, тише, сейчас мы спрячемся...»

За спиной уже слышались шаги патрульных — чёткие, размеренные, неотвратимые.

— Стоять! — раздался приказ. — Вы нарушили комендантский час. Немедленно остановитесь!

Женщина оглянулась, увидела силуэты в форме и побежала ещё быстрее. Но угол переулочка оказался тупиком.

Патрульные окружили её. Один из них протянул руку:

— Сопротивление бесполезно. Пройдёмте с нами. Ваш уровень кортизола превышает норму на 40 %. Вам требуется стабилизация.

Ребёнок заплакал. Женщина прижала его к груди, дрожащими губами прошептала:

— Пожалуйста... Он просто испугался... Мы просто хотели погулять...

— Эмоциональная нестабильность зафиксирована, — бесстрастно произнёс офицер, активируя сканер. — Транспортировка в резервацию.

Она закричала, когда её оторвали от ребёнка. Малыш протягивал к ней ручки, кричал: «Мама!» Но их уже вели в разные стороны — женщину к машине, ребёнка к другому патрульному.

В зале заседаний воцарилась гнетущая тишина. Сенатор сел, сжал подлокотники кресла.

— И вы считаете это нормальным? — тихо спросил он. — Забирать матерей от детей, потому что у них «повышенный кортизол»?

— Это временная мера, — повторил Орлов. — Пока система не стабилизируется.

Голосование началось. Голоса разделились почти поровну. Но в последний момент один из сенаторов, до этого хранивший молчание, нажал на кнопку «за».

Решение было принято.

На улицах мегаполиса тем временем уже кипели протесты.

Толпы людей с плакатами «Свободу эмоциям!», «Руки прочь от наших семей!» заполнили центральные площади. Кто-то выкрикивал лозунги, кто-то плакал, кто-то пытался перекрыть дороги.

Но патрули действовали быстро и слаженно. Голографические проекторы транслировали официальное заявление: «Резервации — временная мера для вашей же безопасности». Дроны распыляли успокаивающий газ, а офицеры в форме с эмблемой на плече в виде треугольника с глазом в центре мягко, но настойчиво оттесняли протестующих.

Кадры задержания матери с ребёнком уже разлетелись по сети. Видео набирало миллионы просмотров, сопровождаясь комментариями:

«Это же ребёнок! Как они могут?»

«Следующий раз могут прийти за нами...»

«Они говорят о спасении, но это просто контроль!»

Анна смотрела запись на своём планшете, чувствуя, как внутри закипает гнев. Она открыла новый файл и напечатала:

«Резервации. Так называется новая реальность. И, похоже, никто не сможет остаться в стороне».

Экран мерцал, ожидая продолжения.

Но на этот раз Анна не спешила писать. Она знала: слова должны быть точными. Потому что теперь ставки стали слишком высоки.

Глава 4. Технология контроля

Сканеры стояли на каждом углу — незаметные, почти декоративные, похожие на старинные камеры наблюдения, но куда более изощрённые. Они не просто видели: они чувствовали.

Их сенсоры улавливали малейшие изменения в гормональном фоне прохожих. Микрофоны анализировали интонации голоса — дрожь, срывы, паузы. Камеры высокого разрешения фиксировали мимику: подёргивание века, напряжение уголков губ, непроизвольное сокращение мышц на шее. Всё это сливалось в единый поток данных, который мгновенно обрабатывался алгоритмами системы контроля.

Когда уровень кортизола превышал норму на 15 %, сканер подавал сигнал тревоги. На 25 % — активировал ближайший патруль. На 40 % — автоматически запускал протокол задержания.

Мария шла по улице с платком в руке. Глаза были красными от слёз: она только что вернулась с похорон матери. В голове крутились последние слова, сказанные у постели умирающей: «Будь сильной, доченька...»

Она не заметила сканер на фонарном столбе. Не увидела, как его линза чуть заметно замерцала, фиксируя расширенные зрачки, прерывистое дыхание, дрожащие губы.

Сигнал ушёл мгновенно.

— Гражданка, остановитесь, — раздался за спиной спокойный голос.

Мария обернулась. Двое патрульных в тёмно-серой форме стояли в трёх шагах от неё. Один держал руку на кобуре, другой — на портативном сканере.

— Пройдёте с нами. Ваши показатели выходят за рамки нормы.

— Но... я просто... — она запнулась. — У меня мама умерла сегодня...

Офицер поднёс сканер к её лицу. Прибор пискнул, высветив на экране:

Кортизол: +38 %

Адреналин: +22 %

Эмоциональная стабильность: критическая

— Соппротивление бесполезно, — бесстрастно произнёс патрульный. — Транспортировка в центр обработки.

Её повели по улицам — мимо голограмм, мимо людей в VR-очках, мимо сияющих витрин. Никто не обернулся. Никто не спросил, что происходит.

Центр обработки напоминал стерильную лабораторию. Белые стены, яркий свет, запах антисептика. Марию завели в комнату с прозрачными стенами и усадили в кресло, обвешанное датчиками.

— Расслабьтесь, — произнёс техник в белом халате. — Процедура займёт несколько минут.

Датчики защёлкнулись на запястьях, виске, шее. На экране перед техником побежали графики: пульс, давление, уровень гормонов. Сканер над головой начал медленно вращаться, сканируя лицо, зрачки, микроимику.

— Фиксирую повышенный уровень стресса, — монотонно докладывал техник. — Кортизол на 42 % выше нормы. Признаки депрессии. Рекомендация: направление в резервацию для стабилизации.

Дверь открылась. Вошёл офицер Сергей — высокий, подтянутый, с холодным взглядом. Он бросил взгляд на экран, затем на Марию.

— Опять истерика на улице? — равнодушно спросил он.

— У неё сегодня умерла мать, — пояснил техник.

Сергей хмыкнул, провёл пальцем по экрану, изучая данные. Затем повернулся к Марии:

— Хотите избежать резервации?

Она вскинула голову, в глазах вспыхнула надежда:

— Да... конечно...

— Пять тысяч кредитов, — тихо произнёс офицер. — И ваши показатели чудесным образом нормализуются.

Мария судорожно сглотнула. Это были почти все её сбережения. Но альтернатива...

— Я согласна, — прошептала она.

Сергей кивнул, достал коммуникатор и быстро набрал команду. На экране техника мигнули цифры:

Кортизол: +8 %

Адреналин: +5 %

Эмоциональная стабильность: норма

— Ошибка в показаниях, — громко объявил офицер. — Перегрузка сканера. Гражданка свободна.

Техник удивлённо поднял брови, но промолчал.

— Вставайте, — Сергей помог Марии подняться. — Идите. Но в следующий раз будьте осторожнее. Система не любит ошибок.

Она вышла на улицу, дрожащими руками сжимая сумку. Воздух казался непривычно свежим. Где-то вдалеке мерцала голограмма с рекламой: «Счастье доступно. Подключитесь».

Но Мария больше не смотрела на неё.

Анна читала отчёт по делу Марии, хмурия брови. Данные сканеров, протоколы задержания, записи с камер — всё было идеально согласовано. Слишком идеально.

Она увеличила фрагмент записи, где офицер Сергей что-то набирал на коммуникаторе. Затем открыла график гормональных показателей — резкий скачок, потом мгновенное падение.

«Пять тысяч кредитов», — вспомнила она слова информатора.

Пальцы замерли над клавиатурой. Она открыла новый файл и напечатала:

«Сканеры не просто фиксируют эмоции. Они их создают. А кто-то на этом зарабатывает».

Экран мерцал, ожидая продолжения.

Но на этот раз Анна не спешила публиковать материал.

Она знала: если это правда, то за ней уже следят.

И следующий сигнал тревоги может прозвучать именно для неё.

Глава 5. Тень сомнения

Сообщение пришло в 3:17 ночи — время, когда город, казалось, замирал, а тени становились гуще и плотнее.

Анна проснулась от тихого писка коммуникатора. Экран мерцал в темноте, высвечивая одно-единственное слово: «Смотри». Под ним — зашифрованная ссылка.

Она колебалась всего секунду. Пальцы дрогнули над сенсорной панелью, прежде чем коснуться экрана.

Видео загрузилось мгновенно. Знакомая улица, белый фасад центра обработки, офицер Сергей, что-то шепчущий Марии у выхода. Затем — крупный план: его рука, принимающая небольшой конверт. А следом — график сканеров: резкий скачок кортизола, затем мгновенное падение до нормы.

Анна откинулась на спинку кресла. В груди что-то сжалось — не страх, ещё нет, а его предвестник, холодный и липкий.

«Кто это прислал?» — напечатала она в ответ.

Экран остался безмолвным.

На следующий день Анна встретила с Еленой в кафе на окраине мегаполиса — месте, где голограмм было меньше, а люди чаще смотрели друг другу в глаза.

Елена была похожа на остриё ножа: тонкая, резкая, с пронзительным взглядом и жёсткой линией губ. Её пальцы, сжимавшие чашку кофе, были унизаны кольцами с тёмными камнями.

— Система устроена гениально просто, — заговорила она, не тратя времени на прелюдии. — Сканеры фиксируют «нестабильность», патрули доставляют в центры обработки. Там — диагностика, коррекция, а затем... резервация.

— Но Мария избежала этого, — возразила Анна.

Елена усмехнулась:

— Мария — исключение, подтверждающее правило. Видишь ли, система не идеальна. В ней есть щели. И кто-то на этом зарабатывает.

Она наклонилась ближе, понизив голос:

— Каждый офицер имеет квоту «исправляемых» случаев. Пять в месяц — и премия. Десять — повышение. А если закрыть глаза на взятку...

Анна почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— То есть они создают нестабильность?

— О, нет, — Елена покачала головой. — Они её эксплуатируют. Люди и так на грани. Система просто даёт им пинок, чтобы они перешагнули черту. А потом предлагает «спасение».

Внутренний монолог Анны вихрем пронёсся в голове:

«Если это правда, то масштабы чудовищны. Тысячи людей. Десятки тысяч. И всё ради чего? Контроля? Прибыли? Или чего-то ещё, о чём мы даже не догадываемся?»

Страх шептал: «Остановись. Ты не сможешь это изменить. Ты просто исчезнешь».

Но другая часть, упрямая и яростная, кричала: «Ты должна рассказать. Люди имеют право знать».

Вечером, вернувшись домой, Анна обнаружила конверт.

Он лежал на пороге, прижат к коврику тяжёлым камнем. Белый, без маркировок, без адреса. Только её имя, выведенное чёрными чернилами, — будто капель нефти на снегу.

Дрожащими руками она подняла его. Внутри оказался лист бумаги. На нём — всего одна фраза, напечатанная заглавными буквами:

«ПРЕКРАТИ КОПАТЬ — ИЛИ ПОЖАЛЕЕШЬ»

Под текстом — маленький символ: стилизованный глаз в треугольнике с вертикальной щелью зрачка. Эмблема системы контроля.

Анна замерла. Воздух в комнате вдруг стал густым, почти осязаемым. Где-то за окном промелькнула тень — или ей показалось?

Она подошла к окну, осторожно отодвинула штору. Улица была пуста. Только мерцающая голограмма над проспектом.

Пальцы сжали бумагу, сминая угрозу в комок.

А потом Анна сделала то, чего сама от себя не ожидала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.